

Пролог

Над маленьким городком Винтерштайн нависли тёмные тучи. Начался ливень, не оставлявший сухой нитки на любом, кто не успел спрятаться под крышей. Ветер яростно хлестал улицы и гнал вперёд небрежно брошенные газеты. Гром и молния, казалось, мерялись силами.

Всё было так, как он хотел.

Мир накрыла тьма, разогнав людей и отняв у них самое дорогое.

Он натянул капюшон пониже. Последние дома Винтерштайна остались позади. Мостовая сменилась размокшей от дождя тропинкой. Ботинки громко шлёпали по коричневой слякоти.

Быстрым шагом он вышел на прямой путь к своей цели. Впереди оставался лишь один дом. Теперь, когда его прежний обитатель исчез, дорога была свободна. Граница между городом и лесом открыта. Старый особняк был ключом.

Когда он остановился перед воротами, дождь ещё больше усилился. Каждая капля, падавшая на плащ, громким эхом отдавалась в его ушах. Перед ним возвышались кованые ворота. С двух сторон их обрамляли каменные колонны. На левой стояла статуя эльфа-воина, на правой — волшебника-волка.

Когда он подошёл ближе, каменные изваяния ожили.

— Этот путь для тебя закрыт, — сказал эльф.

На эльфе были красивые доспехи. Ему хотелось стереть это созданище в порошок. Пусть это всего лишь статуя, в которой нет настоящей жизни.

— Значит, не сегодня, — пробормотал он. — Но мой день ещё придёт.

Тьму озарила молния.

Он бросил взгляд на опушку леса. Между вплотную прижавшимися друг к другу бука-

ми, дубами и елями танцевали лучики света и мелькали тени.

Скоро.

Он развернулся и поспешил обратно в Винтерштайн. В этот маленький безобидный городок, не подозревающий даже, что ему предстоит пережить.

Новый дом

Когда его мать в тысячный раз вздохнула и пронзительным голосом вскрикнула: «Боже, какая идиллия!» — Лукас понял, что проиграл. Вещи давно были упакованы в картонные коробки. Несмотря на это, он до последнего надеялся, что родители образумятся. Но напрасно.

Их дряхлая машина упорно двигалась вперёд. Наверно, мотор заглохнет лишь после того, как они приедут на место. На побег надеяться не стоит.

— Боже, какая идиллия! — снова вздохнула мать, проделывая правым указательным пальцем невидимые дырки в воздухе. — Там,

наверху. Видите, дети? Настоящее соломенное чучело.

Лукас спрашивал себя, не носит ли она очки с волшебными линзами. Другого объяснения такой реакции не было. Ведь та связка соломы была так же безобразна, как дождевые тучи, нависшие над горизонтом, и бескрайние размякшие поля.

— Ага, класс, — проворчал он.

— Мам, а что такое эдилия? — спросил сидящий рядом с ним маленький монстр, сжимающий, словно спасательный круг, старого облезлого плюшевого зайца.

— Лукас, мы же это уже обсуждали, — мать посмотрела своим фирменным взглядом психолога, от которого его всегда бросало в холодный пот. — Просто прими перемену. — Она повернулась к монстру-сестрёнке: — И-диллия, — произнесла она по слогам, — это что-то красивое.

— И где оно тут?

У матери задрожали веки. Верный признак, что её терпение на исходе.

— Всё здесь по-своему красиво, дорогая моя.

— Но...

— А теперь не будем больше отвлекать твоего отца. Ему надо сосредоточиться на дороге.

Одобрительное бормотание с водительского сиденья заставило Лизу замолчать. Лукас хотел что-то возразить, но в последний момент передумал. Было очевидно, что спорить нет смысла. Тем более что они уже почти на месте.

Автомобиль с грохотом спустился по крутой горной дороге, и Лукас впервые увидел острые крыши Винтерштайна. Всё было ещё хуже, чем он себе представлял. Эта дыра однозначно не заслуживала громкого названия «город». Машину порядочно трясло на булыжной мостовой, которая то поднималась, то опускалась. У матери даже очки соскользнули с носа, однако она оставила это без комментариев.

Дома выглядели так, будто их построил архитектор, слишком любивший старые фильмы. Под окнами висели самые настоящие цветочные ящики. В ставнях были вырезы в форме сердца, а садовые заборы, доходившие лишь до пояса, были покрашены в белый. Причём назвать так их грязный цвет можно было лишь с большой натяжкой.

— Мамуль, — сказал Лукас испуганно, — это газовые фонари?!

Мать впервые показалась обеспокоенной.

— Хм... э-э-э... похоже, обитатели Винтерштайна предпочитают... э-э-э... тихую провинциальную жизнь.

Отец Лукаса бросил взгляд в сторону, после чего только ещё глубже вжался в водительское кресло.

Дальше они ехали в гнетущей тишине, прерываемой лишь грохотом машины.

«Будет ли у нас вообще Интернет? А электричество? А тёплая вода?»

Лукас начинал паниковать.

Наконец последние дома оказались позади, и автомобиль, подёргиваясь, взобрался на возвышенность. Отец затормозил перед коваными воротами, на которых давно облезла краска. По обе стороны возвышались каменные колонны. Их увенчивали небольшие фигурки, изображавшие каких-то сказочных существ. За воротами усыпанная гравием дорожка исчезала в густом кустарнике. Родители вышли из машины и осмотрели надтреснутую табличку, висевшую на левой колонне.

— Доктор Архибальд фон Тун, — громко прочитала мать. — Лесная дорога, дом тринадцать.

Когда она снова повернулась к ним, на её лице была явно наигранная улыбка.

— Вот мы и на месте, дети. Прежний владелец только забыл убрать табличку со своим именем.

«Очевидно же, мамуль».

Отец открыл ворота. Они продолжили путь в ледящей тишине. Мать скрестила руки на груди. Когда Лукас так делал, она всегда называла это «пассивной агрессией», что доводило его до белого каления. Это, в свою очередь, она называла «началом полового созревания».

Лукасу стало жаль папу, но он тут же отбросил эту мысль. Ведь это он виновен в том, что они оказались здесь. Отец с гордостью рассказывал о том, как председатель школьного совета Винтерштайна лично ему позвонил и предложил должность учителя в местной школе. И когда вскоре последовало предложение приобрести собственный дом, о котором родители всегда мечтали, решение было принято. Разумеется, то, что эта замечательная должность была в единственной школе на всю округу и что Лукас тоже должен был туда ходить, не играло никакой роли. Это было самое мучительное.

«Моё мнение никого не заботит».

Это был его худший кошмар.

Возвышавшееся перед ними неуклюжее ветхое здание едва можно было назвать «домом». А как выглядит бассейн, который в каждом разговоре расхваливала мать, Лукасу не хотелось даже себе представлять.

— Что же... — отец испуганно смотрел на здание. — Приехали.

